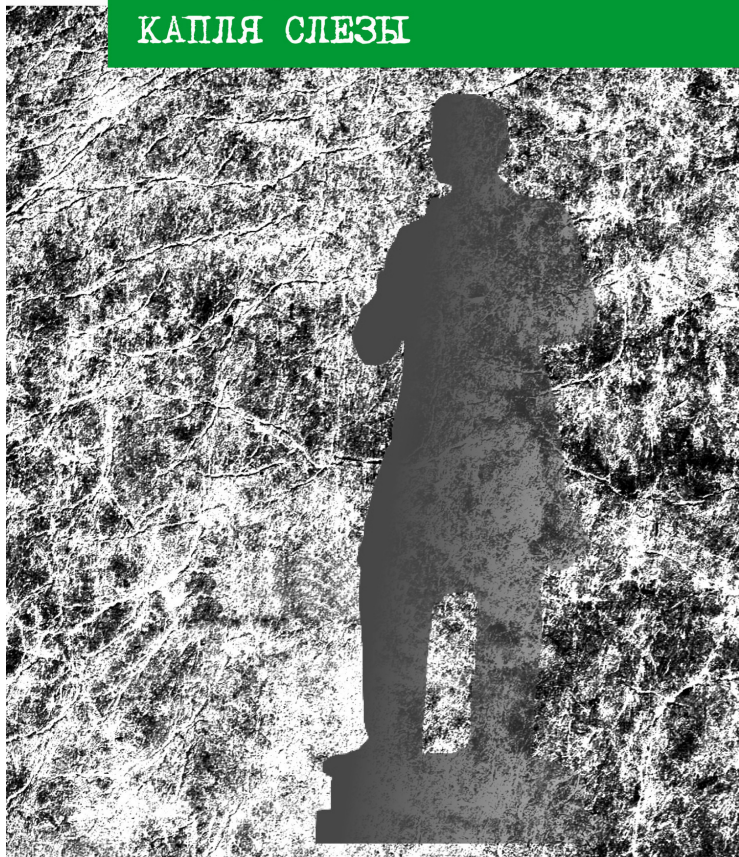

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ СЛЕЗЫ

Габдулла Мухамедгарифович Тукай
Ленар Миннемохимович Шаех
Последняя капля слезы

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32620928

Последняя капля слезы: Татарское книжное издательство; Казань;

2016

ISBN 978-5-298-03129-5

Аннотация

В книге представлены избранные поэтические произведения великого татарского поэта Габдуллы Тукая в хронологическом порядке.

Содержание

Вечный Тукай	8
1905	10
В саду знаний	10
Просыпайся, мужик!	12
О свободе	16
Слово друзьям	18
О единстве	21
О нынешнем положении	23
1906	25
Приход весны	25
О перо!	27
После разлуки	29
«На свете счастья нет...»	31
Голос с кладбища мюридов	32
О, эта любовь!	34
Пушкину	36
Маленький рассказ в стихах	38
Не я ли тот, кто скорбит?	49
В память о «Бакыргане»	51
Паразитам	53
Кого нужно любить?	56
Татарским девушкам	58
Редактору	61

Уничтожишь ли меня?	63
Из Пушкина	65
Братское наставление	67
Небесной деве-гурии	69
Стеклянная голова	71
Осень	72
Государственной думе	74
К народу	77
На могильный камень любимой	79
Самому себе	80
Ночной азан[6]	81
1	81
2	82
3	82
4	83
5	83
Бахвалы	85
Нашей молодёжи, устроившей литературный вечер	89
1907	91
Что рассказывают шакирды, покинувшие медресе	91
1	91
2	91
3	92
4	92

5	93
6	93
7	94
8	94
9	95
10	95
11	96
12	96
13	97
14	97
15	98
16	98
17	99
18	99
19	100
20	100
21	101
22	101
23	102
Вопросы	103
Поэту	105
К свободе	106
Поёт коростель	109
Нищий	111
Если б ты не была...	113
Весна	115

Младенец в колыбели	117
Из Шиллера	118
Бесталанному поэту	119
Пара лошадей	120
В чём сладость?	122
Приятелю, который просит дать ответ – стоит ли жить на свете?	124
Утешение	127
Одному противнику прогресса	128
Шурале	129
I	129
II	130
III	131
IV	132
V	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Габдулла Тукай

Последняя капля слезы

© Татарское книжное издательство, 2016

© Шаехов Л. М., сост., 2016

Вечный Тукай

Время идёт, года проходят, меняются поколения. Люди уже живут не так, как жили их предки сто лет назад. За один только век сколько раз поменялись образ жизни, быт, мышление. Татарская деревня, да и сама Казань резко изменила свой облик. От прадедов нам достался национальный дух, который стал более толерантным, демократичным, с точки зрения современного меняющегося мира, некоторые традиции, которые смогли выжить и устоять в обществе, язык, который стал пестрее, за счёт заимствований, материальная и духовная культура, история...

Единственная вещь, которая не меняет своё лицо – это литературная классика. Для татарского народа – это великий поэт, публицист, основатель современного татарского языка Габдулла Тукай. С каждым годом его произведения становятся ярче и значимее, сильнее и мелодичнее. Тукай – всегда актуален. Каждое его слово, каждое стихотворение как будто сказано и написано о ХХІ веке, о нашей повседневной жизни.

Тукай вместе с нами в радости и в горе, и это большое счастье. Он – наш национальный дух, наше достояние. Как пишет поэт:

Пушкин, Лермонтов – пучина чистой и живой воды.

Пушкин, Лермонтов, Тукаев – три священные звезды...

1908

(«Ответ», перевод Р. Бухараева)

Великий поэт шагает по земному шару: его стихи звучат на языках мира, в разных городах и странах открываются его памятники, печатаются книги, улицы и скверы называют его именем. Созвездие Тукая с каждым днём горит всё ярче и ярче, просветляя и просвещая наши души.

Мы продолжаем изучать Тукая, пытаемся разгадать «национальный код», который он оставил нам в наследство. Это – национальное сознание, национальный разум, национальное самоопределение, накопленные веками отцами и дедами.

Поэт возлагает большие надежды на нас – на татарскую молодёжь, которая в ответе за сохранность народа в будущем:

Горд я нашей молодёжью: как смела и как умна!

Просвещением и знаньем словно светится она.

1912

(«Татарская молодёжь», перевод С. Северцева)

...И впредь время будет идти, облака – плыть, реки – течь, но Тукай навсегда останется с нами. Наш Тукай!.. Вечный Тукай!..

Ленар Шаех

1905

В саду знаний

В цветнике науки, братья, не пора ли нам гулять,
Чтоб людей и даже духов нашим счастьем удивлять?!

Чтоб народа светлый разум до восьмого неба мог
Вознестись и нас навеки осчастливил грозный Бог?!

Будем каяться, татары! Долгий сон прервётся пусть.
Мы должны вступить, о братья, на прогресса мудрый
путь.

В список диких и отсталых пусть никто нас не внесёт,
И в порыве благородном будем двигаться вперёд.

Есть у нас права, о братья, так скорей докажем их!
Только доводами можно в этом убедить других.

Пусть поверят все народы в то, что есть булгар земля,
Пусть от зависти бледнеют, наши доблести хваля!

Мы, усиля умножая, будем книги выпускать,
Побеждая светлой силой тёмную слепую рать.

Пусть растут труды науки с каждым днём – во много раз,
Пусть на ниве просвещения увенчает слава нас!

Чтение газет полезно – это знают все давно,
Так давайте жить как люди – и достойно и умно!

Только знания правят миром, им не правят дети тьмы.
Прочь, невежество и спячка! Пробуждаемся и мы.

Вас, друзья, благословляю, дети века своего,
Века знания питомцы и хозяева его.

Наши юные герои за перо взялись уже,
И следов бывшего горя не найти в моей душе.

Просыпайся, мужик!

(Перевод стихотворения

знаменитого поэта Кольцова)

Просыпайся, мужик,
Наступила весна.
Погляди, на дворе
Зеленеет трава.

Оглянись на себя:
Гол как будто сокол.
На дворе ни кола¹,

На гумне ни зерна,
Пажить сгнила в полях,
Лошадёнка одна,
Ей цена три рубля.

Хлеба нет на полях,
Нет соломы в стогах,
Сам лентяй, и жена
Ни на что не годна.

¹ Строка пропущена Тукаем.

Помнишь, был при деньгах,
Все ходили в друзьях
И хвалили в глаза,
Даже и за глаза.

Было в каждом доме
Место в красном углу,
А без денег лежать
Веселее в гробу.

Как прознали друзья,
Пуст карман у тебя,
Укоряли, смеясь,
За глаза и в глаза.

Коли в срок не сожнёшь,
Пропадёт в поле рожь.
Хоть обидны слова,
Но скажу тебе всё ж:

Рожь не сжата – за год
Пропадает доход,
Треплет ветер, дожди,
И клюют воробьи.

Привалила зима,
Погребла все корма,
Белый снег во степи
Под санями скрипит.

Сам лентяй, и жена
Без понятий, ума.
Что на зиму снести
И сложить в закрома?

Люди в город везут,
Нагрузивши, харчи,
Чтоб, скопивши запас,
Почивать на печи.

Держат пару коней,
Ставят дом из сосны.
Тараканы твои
Голодают с весны.

Домик глиняный твой,
Как старуха кривой,
Сам грызёшь старый хлеб,
Запиваешь водой.

Дети плачут, жена
У тебя голодна.
Убежать и не знать —
В голове мысль одна.

У соседей всегда
Сытно, с маслом еда.
Ты, лентяй, всё проспал,

В доме только беда.

А сосед в свой черёд
Созывает народ,
Дружно строят, потом
Отдохнут за столом.

Но тому, кто лежит,
Не поможет Аллах.
Оборвался бешмет,
Нет сапог на ногах.

Справедливый упрёк
Мой – от чистой души.
А не хочешь терпеть –
Не вставай, знай лежи.

О свободе

Куда цензуры делся гнёт,
Гоненья, рабство и разброд?
Как далеко за этот год
Все унеслись невзгоды!

Татарин, русский ли – взгляни:
Теперь права у всех одни.
Зипун и фартук в наши дни
Узнали вкус свободы.

Закрыт цензурный комитет,
Чернилам красным сбыта нет,
И обанкротились вослед
Чернильные заводы.

Немало в стычках боевых
Джигитов гибло молодых,
Запомнит мир, что кровью их
Политы воли всходы.

Студенты – львы родной земли –
За вас на виселицы шли,
Навечно славу обрели,
Сражаясь в эти годы.

Шли гордо, жертвуя собой,
Не плачем – песней боевой
В час оглашались роковой
Их казематов своды.

Уже не надо нам молчать –
Ведь с наших уст снята печать,
И соловьёв своих опять
Услышали народы.

Свободны перья и умы,
Всем павшим благодарны мы,
Восставшим против зла и тьмы
Борцам стальной породы.

Мир благородным душам их!
Ценой великих мук земных
Они для нас – для всех живых –
Зажгли зарю свободы.

Слово друзьям

Послушайте, друзья, вы речь мою,
И на мотив «Юсуф-Ягкуб» я вам спою.
Прорехи нации родной я все зашью.
Чернила – нить моя, перо – игла теперь.

* * *

Возьмёмся за руки, друзья, вперёд пойдём –
И как живёт другой народ, тогда поймём,
Чтоб мир культуры был и нам – родимый дом,
Трудна дорога, но вперёд шагнём теперь.

* * *

Не будем походить на скот, чей разум спит.
Взобраться на тропу свою нам долг велит.
Томиться жаждой у воды – позор и стыд.
Простор свободных вод шумит, как гром, теперь.

* * *

Паук-чиновник нашу кровь пил много лет.
Те годы не вернутся вновь, простыл их след!
Дней лучезарных ясен свет, прекрасен свет.
Свободы солнце греет нас лучом теперь.

* * *

У всех народов на уме теперь одно:
Шлют депутатов в Петербург – так решено.
И вот дошёл до нас черёд, и нам дано
Избрать посланца, – мы его пошлём теперь.

* * *

Мы зорких изберём людей – наш долг таков,
Не много царский манифест нам дать готов.
Хоть цену знаем мы ему, без лишних слов, –
Всё то, что мы сумеем взять, возьмём теперь.

* * *

Мы наших мулл не затрудним в таких делах.
Немало дел им поручил своих Аллах.
Мы не оставим дел мирских у них в руках,
Джигитов просвещённых мы найдём теперь.

* * *

Свобода гордо распахнёт нам дверь свою,
И будем мы тогда в счастливом жить краю,
Увидим мы народа дружную семью,
И знайте – в этот рай земной войдём теперь.

О единстве

Его величеством царём
От мук все спасены кругом:
Встревожен смутой, мятежом,
Царь волю дал навеки.

Пусть нам свобода впрок пойдёт!
Зазнайство – прочь! Пускай народ
Разумно пользу извлечёт
Из равенства навеки.

О мой народ, глаза раскрой:
Мир изменяет облик свой!
Довольно спать! Над головой
Заря взошла навеки.

Упрямых жалко мне слепцов:
Очнитесь вы, в конце концов!
Услышите будущего зов,
Ждёт счастье нас навеки.

Изгнать вражду пора пришла.
Друзья, – разделены тела,
Но души мы, не помня зла,
Объединим навеки.

Свет будет – хоть ещё темно!
Мы даже яблоко одно
Должны делить на всех равно,
Дружней сплотясь, навеки.

Сойдёмся вместе на совет,
Идти вразброд нам смысла нет;
Невежеству – в нём корень бед –
Закроем путь навеки.

Доколь татарам в спячке быть,
И стрелами друг в друга бить,
Взамен того, чтоб укрепить
Союз один навеки?!

Вперёд, единства путь избрав,
В товариществе крепче став,
Как две руки в один рукав
Продетые навеки!

О нынешнем положении

Зависть, мелочность в татарстве – через край,
Хоть в Макарьеве возами продавай!

Людам пишушим у нас почёта нет,
Ради веры труд вершить – охоты нет.

Нет у пишуших почтения к перу –
Им одно высокомерье по нутру.

Вы смотрите на слова – торю я путь, –
Сам я плох, чего глядеть, но в том ли суть?

Пусть невежды нас не топчут – ведь, остро,
Всех перечаших ему пронзит перо.

А перо над миром властвует земным,
В суре «Нун» Всевышний сам клянётся им.

Крепче пишуших – у веры нет основ,
В них спасение от ада двух миров...

Не на них ли опирается ислам?
Не они ль примером в жизни служат нам?

Без писателей написан ли Коран?

Без писателей составлен ли Форкан?

В них, ислам, твои и мощь и сила есть,
В них достоинство народное и честь.

Ведь писатель сильным – вождь, а слабым – друг,
Путь укажет он, не счесть его заслуг...

Так давайте знать писателей своих,
Пожелаем же, чтоб больше было их!

Будь, великое перо, вознесено –
Вместо клятвы ты Всевышнему дано!

Именитое и славное перо
Боль уймёт, печали смоем, в нём – добро!

1906

Приход весны

Тает снег. Людям полдень весенний люб:
Можно сбросить тулуп – если есть тулуп;
Можно смело гулять, не имея шуб.
Ведь весна вступила в права теперь.

Отдых валенкам. Старым саням – покой,
Тр-р... телеги трясутся на мостовой.
За каретою – велосипед, другой...
Ездоков не один и не два теперь.

На деревья озябшие посмотри!
Вон у почек зелёных листки внутри.
Быть садам и лесам в янтаре зари.
Соловьёв станет ждать их листва теперь.

Из-под талых семи ледяных слоёв
Скоро выйдет лягушка. Меж тростников
Будет слышаться в глине, в трясине зов –
Разнесётся повсюду «ква-ква» теперь.

И пойдёт лягушиной семьи возня,

Никому не понятная болтовня, –
Изучала, знать, логику вся родня...
Хитроумными стали слова теперь.

День весны! Лишь подумаю я о нём –
Обжигает мне душу печаль огнём,
Вспоминается прошлое – день за днём...
Ах, кружится моя голова теперь.

Льды горами по рекам плывут, плывут,
Птицы в небе высоком поют, поют.
Дай, Творец, нам побольше таких минут,
Пусть земля наша будет жива теперь!

О перо!

О перо! Пусть горе стинет, светом радости свети!
Помоги, пойдём с тобою мы по верному пути!

Нас, в невежестве погрязших, нас, лентяев с давних пор,
Поведи к разумной цели – тяжек долгий наш позор!

Ты возвысило Европу до небесной высоты,
Отчего же нас, злосчастных, опустило низко ты?

Неужели быть такими мы навек обречены
И в постылом униженье жизнь свою влачить должны?

Призови народ к ученью, пусть лучи твои горят!
Объясни глупцам, как вреден беспросветья чёрный яд!

Сделай так, чтобы считали чёрным чёрное у нас!
Чтобы белое признали только белым – без прикрас!

Презирай обиды глупых, презирай проклятья их!
Думай о народном благе, думай о друзьях своих!

Слава наших дней грядущих, о перо, – подарок твой.
И, удвоив силу зренья, мы вперёд пойдём с тобой.

Пусть не длятся наши годы в царстве косности и тьмы!

Пусть из мрака преисподней в царство света выйдем мы!

Всех краёв магометане охают из года в год, —

«О, за что судьбою чёрной был наказан наш народ?!»

О перо, опорой нашей и величьем нашим будь!

Пусть исчезнет безвозвратно нищеты и горя путь!

После разлуки

Мне поэзия – отрада, ей всем сердцем предан я,
Ведь с красавицей своею навсегда расстался я.

И во имя этой боли всё сердечней и нежней
По ночам стихи слагаю о своей неверной я.

У неё другой любимый, – острый нож в груди моей,
Не слезами – кровью сердца эти строки создал я.

О изменница, злодейка, как была ты хороша
В день, когда, беды не чуя, был тобой обманут я!

Но несчастной страстью этой вдохновляется душа,
И пером своим всё лучше оттого владею я.

Изменив, дала ты повод для насмешек надо мной.
День и ночь в огне разлуки от тоски сгораю я.

Для меня погасли звёзды и померкнул свет дневной, –
В этот мир и в мир грядущий потерял уж веру я.

Но люблю свои страдания, излечиться не спешу,
Мне по сердцу вздохи горя, наслаждаюсь ими я.

Будет много разговоров, если тайну разглашу.

Потому любимой имя никому не выдам я.

«На свете счастья нет...»

На свете счастья нет – одно название.
У нас в любви препятствуют избранью
Для жизни пары по себе и ровни;
Быть парой – означает равноправие.

Лишь равенство нужно семейной паре;
Торги уместны на мясном базаре.
Прошу прощения, отец: жениться
На ведьме не хочу с лицом девицы.

С рождения мечтал, что буду с ровней
Делить утехы брака добровольно.
«Она ловка в работе», – вам я внемлю.
Послушать вас, на ней пахать мне землю.

Голос с кладбища мюридов

Ишаны губят наш народ, а я не знал об этом.
Они не любят наш народ, а я не знал об этом.

Ишаны – нации враги, и уважать должны мы
Того, кто их не признаёт, а я не знал об этом.

Кто смело выступил, борясь за их уничтожение, –
Тот за народ борьбу ведёт, а я не знал об этом.

Кто в них перо направил – лев, а кто в их святость
верит –
Трусливый, жалкий заяц тот, а я не знал об этом.

Тот, кто им руку подаёт, склоняясь раболепно, –
Шайтан, позорящий народ, а я не знал об этом.

Тот глуп, кто почитает их поборниками правды;
В Коране – истины оплот, а я не знал об этом.

Всё их учение – обман, язычество простое,
Слепого заблужденья плод, а я не знал об этом.

Они народ на части рвут, питаясь мёртвой плотью,
Ишан-шакал, он падаль жрёт, а я не знал об этом.

Их ревностных учеников грызущаяся свора –
Все шарлатаны, гнусный сброд, а я не знал об этом.

Суфием я себя считал, мечтал о светлом рае,
А был собакой у ворот, – и сам не знал об этом!

О, эта любовь!

Хоть я бедняк, но пожелай – тебе я душу подарю,
Приди, и я, как мотылёк, в твоём огне сгорю, сгорю.

О, вразуми меня, Аллах! Мне плен грозит, грозит
тюрьма,
Ведь эта девушка меня свела с ума, свела с ума.

Как высшей милости прошу: моя красавица, приди!
С улыбкой ласковой в глаза мне погляди, о, погляди!

От чар твоих спасенья нет, мне суждено от них пропасть,
И по рукам, и по ногам меня навек связала страсть.

Сбрось покрывало прочь с лица, мир освети
красой своей!
Начну и я сиять в огне твоих лучей, твоих лучей.

Иссох я весь, бескровным стал, недуг живёт
в моей груди.
О, милосердна будь ко мне, моё здоровье возврати!

Безумцу радость подари, позволь прилечь у этих ног,
Молю тебя, позволь мне быть добычей,
пойманной в силки!

Как тихо-тихо боль мою качает страсти колыбель,
Навеки я принадлежу любви, неведомой досель.

Я до могилы пьян тобой, покоя нету для меня,
Мой бледный свет рождён твоим, как свет луны –
светилом дня.

Пушкину

Браво, Пушкин Александр, ты поэт непревзойдённый!
Я подстать тебе в отваге дерзновенно устремлённой.

Пред твоим стихом танцуют даже камни и деревья,
Лишь такой поэт достоин человека, без сомненья.

Потому всё пляшет: солнце оживляет жизнь растений,
Так даёшь ты силы людям, вдохновлённый Богом гений.

Гонит дар твой светоносный прочь из сердца грусть и
темень,
Словно мир расцвечен солнцем, не осталось места тени.

Прочитал твои творенья, наизусть мне стих твой ведом,
В вертограде твоём дивном я плодов твоих отведал.

Я прошёл твой сад цветущий, я летал там, словно птица,
Я твоими соловьями смог там вдоволь насладиться.

Лишь за то, что словом в души свет вливаешь
благодетельный,
Вечный памятник поэту люди ставят рукотворный.

Мастерством с тобой сравниться – нет счастливее удела,
Твоя вера, твои взгляды – да моё ли это дело?

Но, быть может, верю тайно, мне придаст твой дар
могучий

Этот сладостно желанный строй возвышенных созвучий.

Маленький рассказ в стихах

Жил да был Сафый – смиренный человек.
Был он тихим, молчаливым весь свой век.

Жил он бедно в старом домике своём,
Торговал на рынке шкурками, тряпьем.

Никогда он не ругался, не шумел,
Даже громко обижаться не умел.

Посвятил Сафый Аллаху весь свой век.
Был Сафый религиозный человек.

Дни за днями, год за годом – жизнь текла,
Неплохой, казалось, жизнь его была.

Только в доме у него была жена,
Фатимою называлась она.

Вот о ней и поведу я свой рассказ,
Расскажу вам о делах её сейчас.

Описать её? Была она резва.
Как весенняя шумливая листва,

И лицом своим, и станом недурна,

И любила платья модные она,

И любила кулаком о стол стучать
И на мужа малодушного кричать...

Дни за днями, год за годом – время шло,
Вот к чему, друзья, всё это привело:

Стал бедняк Сафый – женою, а жена –
Стала мужем, честолюбия полна.

По соседям проносилась молва:
«Фатима на шее мужа – голова!»

Разве мало на земле Сафыев есть?
Много есть у нас Сафыев – и не счесть!

И жена молола мужа как крупу,
Но Сафый не обижался на судьбу.

Он стоял пред ней как кляча. А жена?
Перед ним как гордый конь была она.

Целый день она кричала на него:
«Как? Зачем? И почему? И для чего?»

«Эй, Сафый, подай скорее самовар!»
«Эй, Сафый, сходи скорее на базар!»

«Ну-ка, комнату получише подмети!»

«Ну-ка, в лампе замени скорей фитиль!»

Фатима Сафью не даёт вздохнуть,
Даже глазом не даёт ему моргнуть.

Не проходит дня без ругани, грызни.
Слово каждое её – укус змеи.

Густо сыпятся напасти, как пшено,
Вот из тысячи я выберу одно:

Фатима сказала мужу: «Эй, дурак,
Что, не видишь? Устарел уж мой калфак,

Поредели ожерелья, жемчуга...
Я ведь – знаешь сам – не старая карга,

Чтоб старьё на голове своей носить!
Ты калфак обязан новый мне купить.

Вот сноха Мусы – не знать бы ей добра –
В новой кофте нынче вышла со двора.

Если б кофту вот такую мне надеть,
Разве стали б на сноху тогда глядеть?

Покупай же мне наряды, дуралей.
На жену свою ты денег не жалеи!...»

И стоит Сафый и слушает в тоске.
Скажет слово – вмиг получит по щеке.

Склонит голову Сафый, как битый пёс,
На базар пойдёт, не вытирая слёз.

И последние копейки – рад не рад –
Израсходует на новенький наряд...

Я тебя, читатель, верно, утомил.
Но ведь надо, чтобы облик ясен был,

Облик той, о ком веду я свой рассказ...
Много числилось за нею и проказ.

Началось так. Пришла однажды к ней
Ненавистница-старуха, бич мужей,

Ведьма с тёмной, непроглядною душой,
Прозываемая бабою-ягой.

Эта женщина с пути сводила всех
В омут похоти, измен, дурных утех.

Вот пришла с мешком, уселась и сидит,
А в мешке у ней злой умысел лежит.

Говорит она: «Мне, детка, жаль тебя,

Ведь живёшь ты, свою молодость губя.

Долго думала я о твоей судьбе,
Вот решила, наконец, прийти к тебе.

Ты ещё ведь молода и хороша,
Все томятся по тебе, моя душа;

Ведь по молодости, по красе твоей
Изнывает, верно, множество парней,

Можно ль старому быть верною женой?
Брось любить его! Лежи к нему спиной!

Не губи себя! Чем жить со стариком,
Лучше жить с могилой чёрною вдвоём,

Потому что в сотни раз милей земля
Мужа старого, красавица моя!

Так чего же от него ты не уйдёшь?
Ты красивая, красивого найдёшь.

Старичонка твой не стоит и гроша,
А краса твоя – ведь золото, душа!..

А не хочешь уходить, так можно так:
Тёмной ночью, лишь уснёт он, твой дурак,

Я джигита-удальца тебе найду,
Я красавца молодого приведу.

У него в объятьях – рай. Его глаза
Точно звёзды. Сам он строен, как лоза.

В страстных ласках словно пламень он горит.
Что ни слово – чистым золотом звенит...»

Закружилась у красотки голова.
Прямо в сердце ей запали те слова.

Состоит ведь Фатима из жадных губ,
Из очей, которым каждый, всякий люб.

Не её смутит развязный поцелуй...
Эй, Сафый! Об участи ты своей горюй,

Плачь, бедняга, потому что с той поры
Каждой ночью для забав и для игры

Пробираться молодые стали к ней!
Фатима встречала с ласкою парней,

То один её целует, то другой...
Уходили только с утренней зарёй.

Развлекалась иногда на стороне
И по сходной продавалась цене.

Ведь глаза её к себе манили всех,
Обещая много сладостных утех...

Фагилятен, фагилятен, фагилят!
О проделках Фатимы все говорят...

Дни и ночи, дни и ночи напролёт
Греховодница игру свою ведёт,

А про мужа стала вовсе забывать.
Стала «бабою» Сафрия называть.

Он же видел всё, и знал, и замечал,
Но слепым он притворялся и молчал.

Он любил её и был готов простить:
Всё равно с вороны чёрный цвет не смыть.

Фатима для мужа – молока белей
И воды речной прозрачней и светлей.

Он в жену свою до крайности влюблён,
Ничего не хочет слышать, видеть он.

Заступается за честь своей жены,
Не находит в ней ни капельки вины.

А меж тем уже немало глаз чужих

Видели её в объятиях других...

Фагилятен, фагилятен, фагилят!
Дни и годы, дни и годы всё летят.

Фатима в уютной комнате своей
Всё ласкает, нежит молодых парней.

Но Сафый мирится с горькою судьбой,
Разводиться он не думает с женой.

Если кто о ней плохое говорит,
Он смеётся – хоть душа его горит.

Развестись с женой? Но он ведь не один:
Есть ещё у них детишки – дочь и сын.

Если он их мать прогонит со двора –
У него осиротеет детвора.

Как же может он расстаться с ней, с женой,
С милой спутницей своею дорогой?

Так он думает, и плачет, и грустит,
Но, как прежде, ничего не говорит.

«Был бы умным он, – соседи говорят, –
Каждый день бы не глотал огонь и яд.

О такой жалеть? Любить её? К чему?
Кто с блудницей стал бы жить в одном дому?

За детей Сафый боится, за двоих, –
Что бояться? Пусть двенадцать будет их:

Лучше быть на свете круглым сиротой,
Чем всю жизнь стыдиться матери такой!...»

Долго все кругом шептались меж собой
И ругали бедняка наперебой.

И пришли к нему соседи наконец:
«Разведися с потаскухой, глупец!

Ведь она, Сафый, позорит честный дом,
Будешь ты из-за блудницы под судом!...»

И пришлось ему тогда жене сказать:
«Фатима, мне дольше нечего скрывать.

Не могу я больше жить с такой женой,
Жить иди с своею бабою-ягой.

Пусть тебя счастливой сделает яга,
Кормит, холит, покупает жемчуга!...»

Фатима! Упала в грязь твоя звезда,
Дом родимый ты покинешь навсегда.

Не спасли тебя лукавство и обман,
И лиса ведь попадает в капкан...

И ушла она с подушкою в руке
И с лепёшками в изношенном мешке...

Фагилятен, фагилятен, фагилят!
Ей соседи вслед насмешливо глядят.

Фатима, ты докатилась до беды.
Ты осталась без семьи и без еды.

Ходишь тощая, как высохшая кость,
Всех садов, лесов и улиц вольный гость.

Под сосной она проводит свой досуг,
Небо крышей служит ей, постелью – луг...

Что рассказывать мне дальше про неё?
Как в стихах мне описать её жизнь?

И уж хочет видеть мужа и детей,
И тот дом, где провела так много дней.

Стала каяться она в своей вине,
Ибо горько быть снохою сатане.

В дождь и в стужу, через снег, разливы луж

Ходит, плачет: «Лес – мой дом, а леший – муж».

Ходит-бродит по лесам и по садам,
Может быть, она встречалась и вам?..

Вот, читатели, и мой рассказ готов.
Может, много написал я лишних слов.

Факты разные, подробности любя,
Фатима, поверь, жалею я тебя!

Я не знаю жизнь грядущую твою,
Но узнаю – опишу её. Даю

Слово честного поэта и певца:
Доводить люблю я дело до конца!

Не я ли тот, кто скорбит?

Разве скорбный в ответе за скорбь без предела? Что делать?

Если горе скрутило и душу и тело, что делать?

Что же делать, с рожденья – я в омуте муки любовной,
Если грусть всем моим существом завладела, что делать?

Люди в жертву себя принесли в Гарбале ради веры, –
Жертвой страсти служить мне судьба повелела, что делать?

Войском горя обложен, стою перед пастью дракона,
И душа моя бедная оцепенела, что делать?

Я исток всех мучений, начало всех горестей мира,
И печальней, чем мой, нет на свете удела, что делать?

Ты видала ль другого, кто равен мне в скорби великой?
Полководцем страданий я избран за дело, что делать?

О, приди, госпожа, и владей: я твой скорбный невольник,
Я был продан тебе, стал твоим я всецело, что делать?

Я – печаль, что давно к обладанью тобою стремится,
О тебе лишь всю жизнь помышлял я несмело, что делать?

Нет почёта влюблённым, и я себя чувствую тоже
В горсти праха песчинкою окаменелой, что делать?

В память о «Бакыргане»

Вот городская чайхана,
Сынками байскими она
Полным-полна, полным-полна.
Кому же, как не мне, страдать?

Они гуляют широко,
Пьют пиво, режутся в «очко»,
За счёт отцов кутить легко!
Кому же, как не мне, страдать?

Здесь папиросами «Дюшес»
Дымит компания повес,
Разврата их попутал бес...
Кому же, как не мне, страдать?

Невежеству их края нет,
Журналов им неведом свет,
Объял их сон во цвете лет.
Кому же, как не мне, страдать?

Зачем идут они в кабак
И, жизнь растрачивая так,
У русских учатся гуляк?
Кому же, как не мне, страдать?

А сверх сыновних кутежей
Ишанам платит богатей.
Ишан – вот язва наших дней!
Кому же, как не мне, страдать?

Нашли святоши лёгкий труд:
В гостях на дню раз десять жрут,
А с бедняков семь шкур дерут.
Кому же, как не мне, страдать?

Друзья! Пойдём путём прямым,
Святош-ишанов разгромим!
Порвём их сеть, да так, чтоб им
Уж не сплести её опять!

Паразитам

Наша знать – шакалов стая, толстобрюхая, тупая,
Ну и жрут обжоры эти, никому не уступая!

Каждый важен, как вельможа, у него лоснится рожа,
Он рыгает, жрёт, плюётся, брюхо жиром наливая.

Полежит, опорожнится, облегчась, – опять ложится.
Вонь уборной – вот их радость, и ночная и дневная!

Пусть народ хоть в пропасть рухнет, брюхо их зато
разбухнет,
«Дай, дай, дай!» – орут обжоры, рот широко разевая.

Мы исчезнем в пасти волчьей, если с ней смиримся
молча,
Брюхо мир загородило, словно Каф-гора крутая;

Словно горы в старых сказках, словно горб высот
кавказских, –
Всё вокруг оно пожрало на глазах у Миннибая!

Эй, друзья, давайте двинем, всыплем вдосталь жирным
свиньям,
Вздуюм их, пока играет наша сила молодая!

Не дадим безмозглой туше придавить наш день
грядущий.

Только в этом наше счастье и обязанность святая!

Без борьбы нам нет надежды. Сбросим лишние одежды,
Рукава смелей засучим, в драку яркую вступая!

В бой пойдём, грозой нагрянув на бездельников-ишанов,
С громовым «ура» ударим, паразитов сокрушая!

В наши дни закон пророка пострадал, увы, жестоко —
Под личиною ислама вера кроется другая.

Дух Корана испоганен... Разве может мусульманин
Сохранить покой душевный, на язычников взирая?

Паразитам, обиралам стих мой кажется кинжалом,
В жизни цель у них одна лишь: грабить, жалости не зная!

Перекрати писать, Тукаев, есть острог у негодаев,
Повисеть в петле заставят, — помолчи, душа шальная!

Не страшны мне их угрозы, жгут меня народа слёзы.
Я пишу, добру и правде никогда не изменяя.

Мал я, но в борьбе неистов, ибо путь социалистов —
Это и моя дорога, справедливая, прямая.

Пусть идёт по ней, кто страждет, кто от зла спасенья

жаждет,

Тех, кто верен ей, того уж не обманет кривда злая!

Кого нужно любить?

Вопрос не прост – кого б ты смог любить,
Так, чтоб упав, любви не уронить?

Когда умрёшь (умри!), кто примет боль?
Чьё сердце будет рваться за тобой?

Кому на свете баловать тебя?
Кому тебя оберегать, любя?

Твоя беда – бедою для кого?
Страдание – страданием для кого?

Легко ль найти того, кто не предаст?..
Кто из друзей врагу тебя не сдаст?

Твой светлый день желанен ли кому?
А нужно будет – кровь наполнит тьму!

И разве кто-нибудь на свете есть,
Кто никогда тебе не надоест?

Кто выгоду свою отдаст тебе?
В словах, делах кто вспомнит о тебе?

О, не ищи, чего на свете нет!

Старания напрасны – смысла нет!

Скажу, не уповай на чудеса –
Твоей любви достоин лишь ты сам!

Татарским девушкам

(Что люблю и что не люблю)

Мне по нраву изгиб ваших тонких бровей,
Завитки непослушные тёмных кудрей,

Ваши тихие речи, что сердце влекут,
Ваши очи прозрачные, как изумруд.

Ваши губы, что слаще, чем райский кавсар²,
Чья улыбка живущим – как сладостный дар.

Я люблю вашу стройность, движений красу, –
Без корсета любая тонка в поясу.

А особенно груди – они так нежны,
Как два солнца весенних, две светлых луны.

Вас за белые шеи люблю обнимать,
В ваших юных объятьях люблю замирать.

О, как трогательны этот «джим», этот «мим»

² *Кавсар* – райский родник (источник), из которого могут испить только праведники в Судный день.

В вашем лепете сладком: «дустым» и «джаным»!³

В вас любезны не меньше мне, чем красота,
Целомудренность гордая и чистота.

И настолько мне мил ваш калфак парчевой,
С плоской частью передней, с головкой кривой.

Так что, если ишан иль блаженный хазрет
Прямо в рай мне когда-либо выдаст билет,

Но коль гурия, выйдя навстречу, как вы,
Не украсит калфаком своей головы

И не скажет мне: «Здравствуй, джаным!» – не войду
В этот рай, пусть я в адскую бездну паду!

Лишь невежество ваше не нравится мне,
Что вас держит в затворе, во тьме, в тишине.

Жёны мулл мне не нравятся тоже ничуть,
Вас так ловко умеющие обмануть.

Любят вас, если нянчите вы их детей,
Ну а мойте полы – и полюбят сильней.

У невежества все вы берёте урок.
Жизнь во тьме – вот учения вашего прок!

³ «Дустым» и «джаным» (татар.) – «друг мой» и «душа моя».

Ваша школа – с телятами рядом, в углу.
Вы сидите, «иджек»⁴ бормоча, на полу.

От природы вы – золото, нет вам цены,
Но погрязнуть в невежестве обречены.

В слепоте вы проводите жизнь, и – увы –
Ваши дочери так же несчастны, как вы.

Вы как будто продажный товар на земле,
Вы бредёте, как стадо, покорны мулле.

Но ведь вы же не овцы! Поверьте, я прав,
Что достойны вы всех человеческих прав!

Не пора ль отрешиться от этих оков?!
Не пора ли уйти из-под этих тисков?!

И не верьте Сайдашу⁵, он злобою пьян,
Он – невежда, над всеми невеждами хан.

⁴ Здесь речь идёт о заучивании по слогам, «иджек» (татар.) – «слог».

⁵ Ахметзян Сайдашев – купец, издатель; выступал против просвещения женщин.

Редактору

Не горюй, не злись, редактор: что их злобный вой тебе?
Мёд неси тому, кто хочет яд подсыпать свой тебе.

А по мне – не нужно вовсе обретать любовь невежд,
Ведь никак нельзя смириться с темнотой людской тебе!

Пусть безбожным вольнодумцем называют. Не горюй!
Лишь бы только гнев господний не грозил бедой тебе.

Правдолюб гоним повсюду. Я уверен: день придёт –
И любовь свою в награду принесёт народ тебе.

Знай, редактор, что невежда – это враг извечный твой,
Знай и то, что муж науки предан всей душой тебе.

Людам следует гордиться оскорблениями невежд.
Пусть бранят: хула такая лишь звучит хвалой тебе.

Если же их одобренья жаждешь ты – беги в мечеть,
Лицемерь, – уж там не будут докучать враждой тебе!

Правду говори, редактор. Правду не боясь пиши,
Запасись терпением – трудный путь открыт судьбой тебе!

Четырёх газет владелец, с четырёх земных сторон

Просвещения устремляет свой поток живой к тебе.

Глубочайшим морем знания надо стать. Иди вперёд.
Пусть тебя просторы манят, пусть претит застой тебе.

Уничтожишь ли меня?

Ужель погубишь ты поэта, и не найдёт спасенья он?
На страсть такую обречённый – ужель на гибель обречён?

Душа моя, будь милосердной и душу не губи мою,
Ведь если я умру – тебя лишь в убийстве обвинит закон.

Смягчись, о ангел! Стань сердечней, ведь ты не мрачный
Азраил,
Который отнимает душу, услышав наш предсмертный
стон.

Алмаз алмазу цену знает, а цену розе – соловей,
Так не цени ж невежду выше меня, что так в тебя
влюблён.

О сколько я стихов любовных тебе, красавица, сложил!
Любви твоею малой крохой – и то я был бы насыщён!

Любовь твоя как будто церковь, я ж – гулкий колокол её,
От мук моих ещё печальней и громче безответный звон.

Тяжёлый занавес разлуки нас друг от друга отделил.
Аллах! Да будет этот полог тобою поднят, вознесён!

Смерть или встреча – вот лекарство от страсти гибельной

моей.

Равно – и тем и этим – будет проситель удовлетворён.

Подруга, стань моей душою или мою себе возьми,

У ног твоих с каким восторгом я б погрузился в вечный сон!

Из Пушкина

Твой муж, твоей любуясь красотою,
Не станет, дева, дорожить тобою.

Возьмёт ещё шесть жён, возьмёт, покуда
Охота брать в нём, ненасытном, люта.

Но горе стать седьмой, скрывать не стану;
До той поры беги скорей к фонтану.

Играй с водою, проливай, наполни
Кувшин прозрачной влагою и помни:

Как серебро, журча и исчезая,
Течёт вода среди сора ключевая.

Бежит от глаз, теряясь постоянно,
Куда уходит? Пропадает. Странно!

Так точно, как ушла вода, уходит
И молодость твоя. Пройдёт. Проходит.

Пропала, утекла, не возвратится.
Так юности пора не повторится.

Следов от влаги не увидя прежних,

Ты скажешь: «Так и я среди соперниц

Исчезну, пропаду, уйду без следа.

Прости навек. Прощайте, зимы, лето!»

Братское наставление

Чужие мысли заковать тираны мира, нет, не в силах.
И неудача погасить надежды яркий свет не в силах.
Не для тебя ли изрекал Всевышний: «Дух крепи надеждой!»

Нет, младотурок целовать султана чёрный след не в силах.

Не видно только лишь слепцу: светило для тебя восходит.
Не думай, что оно сверкать в дни тяжких ваших бед не в силах.

А кто родился храбрецом, молчать, кривя душой, не в силах.

Стоять на месте, истлевать, как пень в глуши лесной, не в силах.

Умри же, – но в бою умри, и пусть не знают, где упал ты.
Терпеть двуличие во всём отважный и прямой не в силах.
Душой боец не покривит и изменять вовек не будет.
Кто светлой истиной влеком, идти иной тропой не в силах.

Отвергнет истина того, кто быть её щитом не в силах.
Святая правда и обман идти одним путём не в силах.
Настанет время, и пробьёт султана злого час последний.
Шайтана, как там ни крути, народ иметь царём не в силах.
Боясь, что правда не в чести, ты отступить решил, быть

может.

Но разве счастлив будет тот, кто в мире быть борцом не в силах?

Ещё не пробил грозный час. Глядят на вас глаза народа.
Ведь вас когда-то видел он в рядах поборников свободы.
Отправьте деспота скорей в «Юлдуз», за крепкую решётку.

Иного нет для вас пути, так доконайте же урода!
Когда бы вы за свой народ стояли твёрдо и поныне,
Не забрели бы вы в тупик, не разглядев прямого хода.

Увы! поёте вы хвалу в честь притеснителя-тирана.
И ваша писанина вся – одни торжественные оды!

Небесной деве-гурии

Когда бы я в раю узрел твой лунный лик,
То увидел бы в нём своё лицо в тот миг.

Уже наверное я знаю: ты, пленя
Своими чарами, обворожишь меня.

Ведь каждая твоя пленительна черта,
Небесная неотразима красота.

Тогда-то стану я гореть, пылать, влюблён,
Врасплох захваченный любовью, как огнём.

С одними райскими делами на уме,
Все радости свои забуду на земле.

Желанно будет слово каждое твоё,
Блаженство и покой на сердце от него.

Сотворена для неба эта статья твоя,
Для славословия Аллаха речь твоя.

Твой нежный голос слаще пенья соловья,
Уйти кто может согласиться от тебя?

Чиста, безгрешна, совершенна, как хрусталь,

Нам, грешным, и коснуться тебя жаль.

Красавица, красивее которой нет,
Красавица, которую не видел свет.

Ценней сокровищ драгоценных и камней.
Но... всё же девушка земная мне милей.

Все похвалы твоей не стоят красоты.
Однако всё же: не земная дева ты.

Стеклянная голова

Хазрету нашему ты в череп загляни:

Стремленье к знаниям, страсть к наукам – где они?

Мозг будто из стекла, но посмотреть туда

Приличный человек не может без стыда.

Что в этой голове? В рисунке дан ответ:

Девицы голые, пирог и горсть монет.

Невежда и ханжа – лишь этим он живёт,

Поесть, попить, поспать – вот круг его забот!

Что нация твоя, что долг святой ему?

И нация, и труд хазрету ни к чему.

На жён бы лишь в ночи хватило сил с лихвой –

Вот доблесть! Вот труды! Вот богатырь лихой!

Осень

Друзья, уже осень к нам в гости пришла,
Придёт и зима, пышной шубой бела.

Уж начали птицы от нас улетать,
Чтоб в дальних и тёплых краях зимовать.

Леса уже стали желты, как шафран,
Не видно в полях ни снопов, ни крестьян.

Как темя татарина, голы поля,
Голодных пернатых не кормит земля.

Лишь юная озимь покрыла простор,
Сверкает она, как зелёный ковёр.

И солнце не щедро дарует свой свет,
Всё реже и реже – и вот его нет.

И ветру покорна пустынная ширь,
Он дует навстречу, упруг, как пузырь.

О скучное время – осенние дни,
Могила цветущего сада они.

Кладбищенский вид! Я брожу по полям:

Повсюду зиянье затопленных ям.

Хочу я полгода не жить на земле,
Хочу я растаять, как масло в тепле.

О, если сейчас я усну, а траву
Весною увижу опять наяву,

Я буду гораздо счастливей тогда,
Чем шахи и ханы, чем все господа.

* * *

Когда же, скажи мне, мой бедный народ,
Весна твоя, день твой цветущий придёт?

Тогда ли, когда я умру и потом,
Быть может, воскресну, но в мире ином?!

Государственной думе

(На мотив песни «Ой, душенька Нагима...»)

Что ж ты быстро пала, Дума,
Землю-волю не дала?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Что ж ты рано так увяла,
Хоть ещё не расцвела?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Что ж ты нас не пожалела
И оставила в цепях?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Что ж начальников жестоких
Не разбила в пух и прах?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Что ж подверглась ты разгону,
Их самих не разогнав?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,

Мало дела, много шума!

Что ж ты гнѣту покорилась
И своих лишилась прав?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Безземельному бедняге
Говорила: «Не тужи!»
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума.

Обнадѣжила, сулила,
Где ж земля-то? Покажи!
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Полномочных депутатов
Царь, как мошек, разогнал.
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Только кукиш показал им
Самый важный генерал.
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Время, братцы, шевелиться,
Верьте, правду мы найдём!

Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Час придёт, и назовётся
Злое – злом, добро – добром.
Ах ты, Дума, Дума, Дума.
Мало дела, много шума!

К народу

Мысли все и днём и ночью о тебе, народ родной!
Я здоров, когда здоров ты, болен ты – и я больной.

Ты священен, уважаем, от тебя не откажусь,
Если даже все богатства мир положит предо мной.

Как я горд, народ прекрасный, что тебе принадлежу!
Быть хочу твоим поэтом, за тебя стоять стеной.

Близок сердцу дух народный, я мечтаю, край родной,
Жить с тобой одной печалью или радостью одной.

Чувства выше нет на свете, чем любовь к тебе, народ,
Одержим одной я страстью – сердцем быть всегда с тобой.

Заслужить хочу бессмертье я поэзией своей...
О Создатель, не мечтаю я об участи иной.

Жизнь мою возьми, стихи же для потомков сбереги.
Как мне страшно быть забытым отчей милой стороной.

Пусть умру – народ запомнит имя скромное моё,
В этом цель моя, такую буду счастлив я судьбой.

О любви к тебе писал я, и за то, народ родной,
Будешь звать меня ты другом, верю в это всей душой!

На могильный камень любимой

Ты мертва, но любовь моя в сердце не гаснет ещё,
Ты мне дружбу и нежность в душе оставляешь ещё.

Знай, что смерть твою, друг мой, считаю я смертью своей.
Только вижу твой образ и голос твой слышу ещё.

Я тобой был, ты – мною, и не было ближе друзей.
Всё ушло без следа. Лишь любовь существует ещё.

Самому себе

Чего же я хочу? Великим стать бы мне,
Не зря моя душа стремится к вышине.

Хочу увидеть я, когда народ родной,
Счастливый, забурлит весеннею волной.

Татарам всё, что мог, отдал – и отдаю.
Татарин я всегда, родства не предаю.

Я нации моей желаю многих благ.
Но сбыться ли мечтам? То знает лишь Аллах.

Ночной азан⁶

1

Ночной азан,
ночной азан,
он горькой ду –
мой обуян;
воспомина –
ний караван
в ночи к душе
влечёт азан.

Азан в ночи,
печальный зов
щежит сердца
теньями снов;
взывает он,
кричит азан,
что был Касим,
была Казань,
что нет татар,
что сгинул хан,
исчез Коканд,

⁶ Размер стихотворения навеян песней «Вечерний звон».

с ним Астрахань.

2

Скорбит в ночи,
звучит азан:
в слезах ушли
во мглу времен
Сююмбике
да грозный хан.
Богатство, сла –
ва – как туман,
остался нам
один обман,
остался веры
враг – ишан.

3

Опустошён
наш древний стан,
дивится мир:
среди прочих стран
была вели –
кой наша быль,

так отчего
распалась в пыль?!

4

Нет среди нас
единства, нет,
мы порознь ви —
дим белый свет,
к отчизне всяк
и слеп, и глух,
разобщены
и плоть и дух.
Века промча —
лись мимо нас,
вслепую встре —
тим смертный час.
В конце концов
народ угас,
прости нас, мир,
в последний раз!

5

О мир, прощай,

уже нас нет,
осиротим мы
белый свет.
Славны мы бы —
ли сотни лет,
теперь нас нет,
теперь нас нет.

Бахвалы

Ревёт ишан, ревёт ишак,
И это неспроста!
Ишак гордится: «Я богат,
Есть у меня узда».

Ишан в ответ: «Ишак, постой,
Я тоже не с сумой,
Есть у меня для воровства
Уздечка под чалмой.

Не хвастайся своей уздой,
Пустая голова, —
Кичиться буду я, а ты
Лови мои слова.

Тот, кто ишана чтит во мне,
Тот, как и ты, — осёл:
Он верит искренне, что я
Дух святости обрёл.

Я граблю жирных богачей,
Я жаден к их добру,
И нет покоя мне, пока
Я их не обдеру.

Ты скот, невежда, я – вдвойне.
Но дело не в словах:
Моё невежество и лень
Мне ниспослал Аллах!

Мы выдаём дурман за мёд
И, свой набив живот,
Твердим: без пищи и воды
Терпи, терпи, народ!

Так запрягаю я татар
И сеть свою плету.
Чего зевать, когда они
Привычны к хомуту?

Моя отрыжка – знак святой.
И знак святой – плевок,
Чихну – саваб! И да хранит
Такой порядок Бог!

Я так скажу тебе, ишак:
Всегда со мной дружи!
Ты будешь лодкой, я – веслом,
Поплаваем во лжи!

Моим мюридом назовись,
Будь мне опорой впредь,
Откроем лавочку молитв, –
Айда со мной в мечеть!»

«Будешь мне слугой исправным, вот дела.
Будешь ты барану равным, ох, дела!

Не сноси обиды молча, вот дела,
Ты ведь станешь благонравным, ох, дела!»

«О хазрет! – ишак ответил. – Вот дела.
Придержи-ка речи эти, ох, дела!

Ты поправь чалму, чтоб стала, вот дела,
Словно купол у мечети, ох, дела!

О ишан высокочтимый, вот дела,
Верю верой нерушимой, ох, дела! –
За невежество народа, вот дела,
Ты – борец неутомимый, ох, дела!

Знаю, всех ты водишь за нос, вот дела,
Я – осёл, ослом останусь, ох, дела!

Назовут меня суфием, вот дела,
Я с тобою не расстанусь, ох, дела!

Хоть проник я в суть обмана, вот дела,
Будем лгать во имя сана, ох, дела!

А твои мюриды глупы, вот дела,
Слепо веруют в ишана, ох, дела!»

Нашей молодёжи, устроившей литературный вечер

Люблю я вас. Душа моя вам рада,
Вы – нации надежда и отрада.

Люблю я вас. Не передать словами:
Всем существом своим горжусь я вами.

Богатырями вы растёте ныне,
А в наши дни богатырям цены нет.

Столетиями ждали вас в народе
И верили: вы всё-таки придёте.

Друзья! К вам слово моего привета,
В вас – чистота предутреннего ветра.

За вас, опору нации, не скрою,
Мы заплатили жертвенной ценою.

Когда б воскрес пророк, скажу я смело,
Вернулась бы душа, ликуя, в тело,

Он был бы рад, джигиты, встрече с вами,
Напутствуя вас вещими словами:

Герои века нашего, дерзайте,
Мир красотой, отвагой покоряйте!

Ваш вечер славен зрелостью и честью,
В нём чистота и мудрость слиты вместе.

Богат ваш мир красою неизменной,
Не в нём ли завязь счастья всей Вселенной?

Пусть вас ничто в дороге не пугает,
По ней – к прогрессу нация шагает.

Прекрасен бесконечно этот вечер,
Он в памяти моей – пребудет вечен!

1907

**Что рассказывают шакирды,
покинувшие медресе**

1

Нас там долго
Обучали,
Мы так мало
Понимали,
Если даже
Вихри дули –
Словно камни
Мы лежали...

2

Мы натягивали
Полог
Даже в солнечное

Лето,
Знать – не знали,
Прочь мы гнали
Всё идущее
От света.

3

На заре
Мы крепко спали,
Завернувшись
В одеяло.
Дум не знали –
Если даже
Солнце счастья
Догорало...

4

Вроде конского
Навоза,
В духоте
Беспечно гнили,
Не боясь,
Что оказаться

Оттого могли
В могиле.

5

Мы зачахли,
Пожелтели,
Мы засохли,
Словно палки.
Дрянь вдыхая,
Наслаждались,
Как червяк
Какой-то жалкий.

6

Правду, совесть,
Справедливость
Мы из памяти
Изгнали,
Мы испортились
Настолько –
Сатаны
Сквернее стали...

7

Без воды,
Без дров, без пищи
В кельях мы
Впотьмах лежали,
Даже в праздники
Во сне лишь
Омовенье
Совершали.

8

Превратив
Халаты в сумки,
Мы просили
Подаянья;
У заборов
Богатеев
Долго длилось
Ожиданье...

9

Камня,
Дерева дешевле
В отчем крае
Нас считали...
А в Европе ведь
Студентов
Словно око
Сберегали.

10

Голодали,
Стыд забыли,
Как продажные
Девицы...
Мы завшивели,
Застыли, –
Нам донине
Голод снится.

11

В палача
Преобразился
Тот, кто быть
Хотел учёным,
Не мукою стал,
Не тестом –
Калачом
Недопечёным.

12

Лени в нас –
Захочешь сколько,
Дури в нас –
Захочешь сколько,
А студент
Толковый, дельный
Есть один
На тыщу только...

13

Мы невежеству
Отдали
Годы юные
И души,
Мы цирюльниками
Стали,
Научились
Бить баклуши.

14

Богатеи
Нам дарили
Дочерей –
Кривых, увечных,
Мы для них
Рабами были –
Путь учёных,
Путь беспечных...

15

Если вдов
Встречали старых,
К ним входили
В дом мужьями...
Без грехов
В аду горели –
В преисподней,
В серной яме...

16

Оскорбленья,
Униженья
От народа
Мы терпели –
От незрячести,
Которой
Он страдает
С колыбели.

17

Наша цель –
Не поношение,
Мы татар
Ругать не будем:
Раз незрячи –
Что и взять с них?
Мы, как все,
Слепых не судим.

18

Не слепых –
Хазретов зрячих
Осудить должны мы
Строго,
Что народ
Не призывают
Жить получше
Хоть немного.

19

У обжор-хазретов
Брюхо –
Так ли,
Этак ли припомнишь,
Так огромно,
Так бездонно,
Не насытишь,
Не наполнишь...

20

О реформе
Мы твердили,
Что не быть реформе,
Знали...
Хоть углы
Нам всем постыли –
Мы из них
Не вылезали.

21

Так прощайте же,
Хазреты,
Лишь добра
От вас мы ждали,
Ждали радости
И света, –
Но уходим
Без печали!

22

Так вперёд!
Вперёд, смелее!
Шаг держите
Неустанно!
Нас невежество
Держало,
Не избегли
Мы обмана.

Лишь тебе, народ,
Служенье!
Раздувайте
Пламя горна!
Нас не сломят
Униженья,
Мы вперёд
Пойдём упорно!

Вопросы

Почему ты, о Боже, столь разными создал людей?
Почему я ничтожней ничтожнейшей твари твоей?

Почему ты не радость, а горе мне в спутники дал?
Иль во мне и начало, и устье потока скорбей?

То горячие слёзы, вода ли горчит – не пойму!
Иль таит в себе ад эта жалкая связка костей?

Иль в душе у поэта поистине адский огонь?
Слышишь, Господи? Я вопрошаю, ответь мне скорей!

Вечных тайн властелин, ты и эту мне тайну открой,
Ибо разум мой тёмен, не может он справиться с ней.

Неужель потому сам я в чёрную тьму погружён,
Что судьбина моя самой чёрной судьбины черней?

Не в моей ли доле злосчастного мрака исток?
Не родиться бы вовсе – так было б, пожалуй, умней.

Лишь страданье и боль я узнал в этом мире... Ужель
Сам Неджди⁷ не видал столько горестей в жизни своей?

⁷ Шейх Неджди (по названию города Неджд) – основатель одного из

Поэту

(Вслед за Лермонтовым)

Ты говоришь, тебя зовут поэтом?
Стихи слагаешь, нет неправды в этом?

Небесный звук! Но что в нём смыслят люди?
И кто тебя поймёт? Кто будут судьи?

Оставь мечту! Послушайся совета:
Не тешь свой слух ты званием поэта.

Коль на земле живёшь, вотще старанье
Снискать у неба для себя название.

Пусть не укажут на тебя смущённо:
«Вот он – поэт, писатель, просвещённый!»

Прольётся на тебя хула за это,
Преградой встанут зависть и наветы.

К свободе

Вместе со светочем правды зажги равноправия светоч,
Грей нас лучами своими, избавь нас от мрака бывшего.

У божества справедливости лучше мы будем рабами –
Зря до сих пор о спасенье молили мы бога иного!

Верили мы, повинуюсь тупым истуканам в мундирах:
Идол душой обладает и зрение есть у слепого.

Грянь, да очистится Кааба от Лата, Гоззы и Моната, –
Жалких божков растопчи ты стопою Хаттаба святого!

Судьбы народов вершили бездушные ложные боги,
В сумрак вели их дороги, жестокий обман – их основа.

Низкий и подлый – возвышен, унижен – высокий душою.
Пусть твоя воля поставит на место того и другого.

Света конец наступает, и правды светило померкло.
Лопнули луны, и разум затмился от тубного зова.

Звёзды единства низверглись, и, как легендарная птица,
Добрые чувства доньше далеки от рода людского!

Ружья и пушки, и сабли, штыки, палачи и казаки,

Справа и слева, и сзади – кольцом окружают нас снова.

Странно: отъявленный грешник свободно в раю очутился,

Тем же, кто рая достоин, – ужасное пекло готово.

Это – о бедствиях нации я написал, содрогаясь,

Пусть возмутит тебя ропот, внемли моей жалобе новой!

Сжить нас со света решили, спешите же скорее на помощь!

Нам остаётся одно: удалиться из мира земного.

Попран закон: «Кто возделывал землю – тот ею владеет!»

Жить ещё хочешь? На небе средь звёзд поищи себе кровя!

Магометане отвергли ислам, и Христа – христиане,

Ибо религии тоже гоненьям подверглись сурово.

Если, как люди, и вера затоптана в прах, что поделать?

Неотделима религия от человека живого.

Звероподобные люди, как прежде, господствуют в мире,

Злобно на нас нападают, – что сделали мы им плохого?

Кровь нашу пьют они жадно, ведь тёплая кровь человечья

Слаще халвы или сахара для кровопийцы такого!

Не отдавай нас язычникам! В Думе заставь депутатов

Вал Искандера построить – ограду от зла векового.

Перед вратами твоими стоим мы голодной толпою,
Море еды подари нам, откройся нам, сбросив покровы!

Связан язык у поэта... О Господи, дай ему волю,
Пусть о друзьях и о недругах скажет он веское слово!

* * *

Сад распахни свой, свобода! Да будет светлей полнолуныя
Нации нашей грядущее, доля народа родного!

Совесьть буди в мусульманах; раскуй наконец наши ноги,
Сбей эти словно чалмою обвившие всех нас оковы!

Поёт коростель

(или татарский марш)

Вперёд, вперёд, народ татар!
Встаёт, встаёт весь род татар;
Пора, пора, сыны татар!
Проснитесь все – и млад и стар!

Уходит ночь, румян и яр,
Гори, гори, зари пожар.
Пора, пора, сыны татар!
Поёт дергач: тар-тар, тар-тар.

К борьбе, к борьбе, ряды татар!
Пусть знает мир труды татар!
...татар!
Ведь ярче нет звезды татар.

Пускай тропа крута татар,
Но не слепа мечта татар.
Вставай! Встряхнись! Светлеет высь,
И сгинет маята татар!

У наций всех – борьбы разгар,
Буди же зов трубы татар:
Тара-ра-ра! Пора, пора

Менять пути судьбы татар.

Зажги татар ученья жар,
Не пушки нанесут удар,
Наш меч – букварь, а сотни школ –
Вот лучший арсенал татар!

Невежество – позор татар,
Она туманит взор татар.
Учись, вкуси от всех наук,
И счастье ты получишь в дар.

Тогда хитрец с чалмой, как шар,
Не сможет сеять лжи угар,
А «узких брюк» ты не страшись:
Не развратят они татар.

Уйди, зима, от нас, татар,
Ласкайте, вёсны, глаз татар,
Запойте, наши соловьи,
Звени, певучий саз татар!

Свети нам, солнце, грей татар!
Пусть снег сойдёт с полей татар,
Не вечно ж должен он лежать,
Как снег на пике Сен-Готард!

Нищий

Вьюга. Снег валит с деревьев. Воем вьюга день и ночь.
Ветер гонит снег, но ветру снег кричит: «С дороги прочь!»

Вьюга воем, ветер свищет, набирая силы снова,
Осыпая острым снегом старца нищего, слепого.

Ежедневно у мечети встретим нищего с сумой.
Просит осенью и летом, и весной, и зимой.

Трудно жить на белом свете. Где найти людей хороших?
Так подайте только грошик, нет, не рубль, а только грошик!

Коль на то пошло, скажу я: был он прежде богачом.
Ел он сладко, пил он сладко, не заботясь ни о чём.

Жил в почёте, жил в довольстве, на пуховой спал
постели,
Астрахань, Казань, Касимов перед ним благоговели!

А какие были лавки у слепого старика!
Всё купи, что сердцу любо: ситцы, сукна и шелка!

А коляски-то какие, кони, кони-то гнедые!

А какие лисьи шубы, ох, и шубы меховые!

Славно было... Ну а ныне? Посмотрите на суму,
На его нагое тело! Дайте что-нибудь ему!

Угождали богатею все муллы со всей округи,
За него молились Богу, словно преданные слуги.

Перед ним они кривлялись, лизоблюды и лгуны,
По его приказу мчались, как лихие скакуны.

Где друзья его богатства, где они, кривые души?
Где они, куда сбежали все Айнуки и Ахмуши?

О, как больно! О, как трудно! Сострадание где найдёшь?
Только грош ему подайте, нет, не рубль, а только грош.

Днём и ночью у мечети он протягивает руки.
На него мулла не смотрит, – разве изредка, от скуки.

То-то! Деньги есть – и в дружбе все клянутся, тут как тут,
А монетами не пахнет – от тебя друзья бегут.

Если б ты не была...

Не горел бы я, если б ты жгучим огнём не была,
Я не плакал бы, если б ты поводом слёз не была.

Я бы грусть позабыл, я оставил бы песни свои,
Если б ты порождающей горе моё не была.

Волноваться не стало бы пенное море любви,
Если б ты ураганом, вздымающим вал, не была.

Утешался бы я, на луну да на солнце смотря,
Если б ты затмевающей их красоту не была.

Ради жизни покинул бы глушь одиночества я,
Если ты бы стеной между жизнью и мной не была.

От души бы, как дервиш, я Богу хвалы возносил,
Если б дьяволом ты, искушением моим не была.

Никогда бы погибели я для души не просил,
Если б ты помутившей сознание моё не была.

Как Меджнун, не смеялся бы я в ослепление любви,
Если б ты подшутившею зло надо мной не была.

На стихи походили бы строки пустые мои,

Если б ты отнимающей память мою не была.

Весна

Пиши, ясней пиши, перо, и пробуждайся ото сна,
Ведь на земле уже давно весна, лучистая весна!

Пиши, перо моё, пиши, хоть пару строчек напиши,
Чтоб на бумагу перешли волненья сердца и души.

Уже вокруг журчат ручьи весенней радостной поры,
Туман восходит над землёй, восходят синие пары...

Они сгущаются, как дым, и взору чудится тогда,
Что заволакивают мир туманы Страшного суда...

Льды воскресают и плывут, несомы чёрною рекой,
Дробясь, сшибаясь, рвутся вдаль, могильный позабыв покой!

Внезапно кажется тебе, что в судный час со всех концов
На сборище воскресших душ стремится войско мертвецов,

Что вдруг потрянул рогами бык и Землю удержать не смог,
Что света божьего конец вдруг протрубил могучий рог,

Что все усопшие спешат к порогу Страшного суда:
Какие – в рай, какие – в ад, и неизвестно, кто куда!

Вселенную в зловещий час объемлют ужас и испуг,
Повсюду страшный шум и гам, перемешалось всё вокруг!

Природа в этот грозный миг теряет вид привычный свой,
Как на закате облака – даль стала жуткой и рябой...

Но вскоре истинный свой цвет находят небо и земля,
Готовь зерно, паши и сей, работай, душу веселя!

И солнце сеет с высоты лучи горячие свои,
И прояснился наконец печальный, тёмный лик земли.

В напрасной ярости зима уходит в стуже и снегах.
И шелковистая трава зазеленела на лугах.

Так обновляется всегда готовый к праведным трудам,
Так воскресает люд земной, чьи предки Ева и Адам.

Так с наступлением весны я размышляю ясным днём –
То о кончине я грущу, то восхищаюсь бытием.

Младенец в колыбели

Как счастлив младенец, пока ему колыбель широка;
Для маленького паука малейшая щель широка.

Потом, доживая свой век, задумается человек:
Могила – весь мир, а кому такая постель широка?

Из Шиллера

Если дорог столь тебе я, знания мне свои открой,
Поделись своей культурой, как сокровищем, со мной.

Ты же предлагаешь: «Хочешь, душу всю тебе отдам!»
Для чего твоя душа мне, что мне делать с той душой?

Бесталанному поэту

Впустую мельница кружится, зерно не мелют жернова, —
Напрасно пыжишься, бедняга, твоя поэзия мертва!

На свете много есть ремёсел, трудись иначе как-нибудь!
Своими грязными лаптями зачем ты топчешь чистый
путь?

Пора уже тебе признаться в убогой немощи своей.
Ворона жалкая, о, разве ты можешь петь как соловей?

Не надевай поэта маску, видна отлично масть твоя.
Не хочешь без хвоста остаться — не суйся в клетку
соловья!

Пара лошадей

Лошадей в упряжке пара, на Казань лежит мой путь,
И готов рукою крепкой кучер вожжи натянуть.

Свет вечерний тих и ласков, под луною всё блестит,
Ветерок прохладный веет и ветвями шевелит.

Тишина кругом, и только мысли что-то шепчут мне,
Дрёма мне глаза смыкает, сны витают в тишине.

Вдруг, открыв глаза, я вижу незнакомые поля –
И разлуку с отчим краем всей душой почуял я.

Край родной, не будь в обиде, край любимый, о, прости,
Место, где я жил надеждой людям пользу принести!

О, прощай, родимый город, город детства моего!
Милый дом во мгле растаял, словно не было его.

Скучно мне, тоскует сердце, горько думать о своём.
Нет друзей моих со мною, я и дума – мы вдвоём.

Как на грех, ещё и кучер призадумался, притих,
Ни красавиц он не славит, ни колечек золотых...

Мне недостаёт чего-то иль я что-то потерял?

Всем богат я, нет лишь близких, сиротой я нынче стал.

Здесь чужие все: кто эти Мингали и Бикмулла,
Биктимир? Кому известны их поступки и дела?

Я с родными разлучился, жить несносно стало мне,
И по милым я скучаю, как по солнцу, по луне.

И от этих дум тяжёлых головою я поник,
И невольно слёзы льются – горя горького родник.

Вдруг ушей моих коснулся голос звонкий, молодой:
– Эй, шакирд, вставай скорее! Вот Казань перед тобой!

Вздрогнул я, услышав это, и на сердце веселей.
– Ну, айда быстрее, кучер! Погоняй своих коней!

Слышу я: призыв к намазу будит утреннюю рань,
О Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!

Здесь деянья дедов наших, здесь священные места,
Здесь счастливец ожидают милой гурии⁸ уста.

Здесь науки, здесь искусства, просвещения очаг,
Здесь живёт моя подруга, райский свет в её очах.

⁸ *Гурия* – в исламе и восточной мифологии: дева, улаждающая праведников в раю.

В чём сладость?

Наслажденье? В чём, скажите, заключается оно?
Нам хорошего на свете много видеть суждено.

В чём же сладость? В том, чтоб крепко стан девический
обнять?
Иль красавца иноходца что есть духу погонять?

Или в том, чтоб из бутылки пить огонь воды живой,
Чтоб шумел забвенья ветер над хмельною головой?

Или в том, чтобы удача стала спутницей в делах?
Или в том, чтоб стать известным, как почтенный старый
шах?

Иль ишаном шмыгать в гости, угощаться здесь и там,
Чтобы после отрыгалось мясом с перцем пополам?

Или в том, чтоб гармонистом песни разные играть,
Повздыхать в раздумье грустном, а потом начать опять?

Или, будучи торговцем, получать доход вдвойне
И хорошею наживой ночью хвастаться жене?

Или в том, чтоб золотую на войне медаль добыть,
Чью-то кровь пролить рекою, чью-то голову срубить?

Или в том, чтоб с пирогами чай спокойно попивать?
Под себя поджавши ноги, брюхо мирно набивать?

Верьте! Истинной улады не найти ни в чём таком.
Испытавший эти вещи с высшим счастьем не знаком.

Лишь служение народу признаю за счастье я.
В этом лучшая отрада, сладость жизни для меня.

Приятелю, который просит дать ответ – стоит ли жить на свете?

Пожалуй, стоит жить – коль непрестанно лгать,
Коль к правдолюбцам впредь решить не примыкать,
Бежать от сатаны – от совести своей,
Хитря, себя в обман другим ввести не дать.

Коль думать о себе, а брата – позабыть,
Коль бедных унижать и всюду их чернить,
Коль век свой посвятить занятию одному –
Свой собственный живот лелеять и растить.

Коль тем, что пищишь ты, богатых ублажать,
Коль масло или мёд пред ними источать,
Коль правду, не стыдясь, скрывать в который раз, –
Быть может, животу вредит она? Как знать!

Коль быть безбожником, но веру прославлять,
Твердить: велит она убогих презирать,
Считать, что ныне ты на истинном пути,
Достоинств всяческих тебе – не занимать.

Жить тяжело, коль капитал – не божество,
Коль на коленях не молиться на него.
Блаженствууй, если зришь кривое в прямизне,

Коль деспотизма ты приемлешь торжество!

Не забывай, мой друг, что правда – ни к чему,
А посему ты лги – не попадай в тюрьму,
Кто голоден, кто нищ – забудь, кути, гуляй,
И старца-мира прах ты преврати в сурьму!

Что совесть? Звук пустой. А справедливость? Бред.
В том, чтобы смелым быть, нужды особой нет –
Не должно, чётки взяв, опять читать Коран
В том доме, где разврат оставил явный след.

Живи! И веру ты, и совесть продавай –
Так поступая, жизнь невольно облегчай;
Для подлецов, лжецов мир этот – рай земной,
Усладой сделай жизнь, в блаженстве пребывай.

На то, что я сказал, ты, ясно, не пойдёшь –
Не станешь говорить заведомую ложь.
Чтоб душу уберечь, по-заячьи дрожа,
С прямой дороги ты вовеки не свернёшь.

Умри же! Прахом стань, свою в нём чуя суть –
И к ней ты возвратись, клинок вонзая в грудь!
О шар земной! В тебе правдивому лежать
Верней, чем по тебе пройти юдовый путь.

Да, правда не извне, а в глубине твоей –
И сердце тянет вниз всё чаще, всё сильнее;

Чтоб с правдой вместе быть до Страшного суда,
Нам в землю всем пора сокрыться поскорей!

Прощай же, друг! И мне за петлей – только тьма.
В придачу – воронья над телом кутерьма:
Не буду больше жить – я миром этим сыт!
Коль жил я до сих пор – знать, не было ума.

Утешение

Стремительная жизнь течёт
И за собою нас влечёт;
Так все мы движемся вперёд,
Минует горе в свой черёд.

В народе пробуждёнью быть,
Свободе, возрождёнью быть;
Дурные минут времена,
В умах освобождёнью быть!

Недолго заблуждёнью быть,
Недолго наваждёнью быть.
Науке восторжествовать,
Разумному суждёнью быть!

Надейся же среди невзгод,
И счастлив будет наш народ;
Плодотворящий дождь пройдёт;
В трудах вознаграждёнью быть!

А кто вчерашним днём живёт,
Тот мёртвым сном навек заснёт.

Одному противнику прогресса

Ты против волн не плавай – утонешь: Нил глубок.
Не плюй ты против ветра – вернётся твой плевок.

Отчаянным героем тебя не назовут,
Не твякай, ради бога, ты на слона, щенок!

Когда на Гавриила направил лук Немврод,
Стрела назад упала, хоть метким был стрелок.

Евангелие тщились евреи отрицать,
И вечные мученья за это дал им Бог.

Страшись: для тех, кто портит и развращает нас,
Местечко в преисподней Всевышний приберёг.

Быть может, и обидны сравнения мои,
Но ты примеры эти оспорить бы не мог.

Сказать тебе «возвысься!» – пустая трата слов,
Поскольку недоступен свинье высокий слог.

Но, увлечён моею припевкой под гармонь,
Теперь кадриль иную не спляшешь ли, дружок?

Шурале

I

Есть аул вблизи Казани, по названию Кырлай.
Даже куры в том Кырлае петь умеют... Дивный край!

Хоть я родом не оттуда, но любовь к нему хранил,
На земле его работал – сеял, жал и боронил.

Он слывет большим аулом? Нет, напротив, невелик,
А река, народа гордость, – просто маленький родник.

Эта сторона лесная вечно в памяти жива.
Бархатистым одеялом расстилается трава.

Там ни холода, ни зноя никогда не знал народ:
В свой черёд подует ветер, в свой черёд и дождь пойдёт.

От малины, земляники всё в лесу пестрым-пестро,
Набираешь в миг единый ягод полное ведро.

Часто на траве лежал я и глядел на небеса.
Грозной ратью мне казались беспредельные леса.

Точно воины, стояли сосны, липы и дубы,
Под сосной – щавель и мята, под берёзою – грибы.

Сколько синих, жёлтых, красных там цветов переплелось,
И от них благоуханье в сладком воздухе лилось!

Улетали, прилетали и садились мотыльки,
Будто с ними в спор вступали и мирились лепестки.

Птичий щебет, звонкий лепет раздавались в тишине
И пронзительным весельем наполняли душу мне.

Здесь и музыка, и танцы, и певцы, и циркачи,
Здесь бульвары и театры, и борцы, и скрипачи!

Этот лес благоуханный шире моря, выше туч,
Словно войско Чингисхана, многошумен и могуч.

И вставала предо мною слава дедовских имён,
И жестокость, и насилье, и уособица племён.

II

Летний лес изобразил я, не воспел ещё мой стих
Нашу осень, нашу зиму и красавиц молодых,

И веселье наших празднеств, и весенний Сабантуй...

О мой стих, воспоминаньем ты мне душу не волнуй!

Но постой, я замечтался... Вот бумага на столе...
Я ведь рассказать собрался о проделках Шурале.

Я сейчас начну, читатель, на меня ты не пеняй:
Всякий разум я теряю, только вспомню я Кырлай.

III

Разумеется, что в этом удивительном лесу
Встретишь волка и медведя, и коварную лису.

Здесь охотникам нередко видеть белок привелось,
То промчится серый заяц, то мелькнёт рогатый лось.

Много здесь тропинок тайных и сокровищ, говорят.
Много здесь зверей ужасных и чудовищ, говорят.

Много сказок и поверий ходит по родной земле
И о джиннах, и о пери⁹, и о страшных шурале.

Правда ль это? Бесконечен, словно небо, древний лес,
И не меньше, чем на небе, может быть в лесу чудес.

⁹ *Пери* – женщина чарующей красоты.

IV

Об одном из них начну я повесть краткую свою,
И – таков уж мой обычай – я стихами запою.

Как-то в ночь, когда, сияя, в облаках луна скользит,
Из аула за дровами в лес отправился джигит.

На арбе доехал быстро, сразу взялся за топор,
Тук да тук, деревья рубит, а кругом – дремучий бор.

Как бывает часто летом, ночь была свежа, влажна.
Оттого что птицы спали, нарастала тишина.

Дровосек работой занят, знай стучит себе, стучит,
На мгновение забылся очарованный джигит.

Чу! Какой-то крик ужасный раздаётся вдалеке,
И топор остановился в замахнувшейся руке.

И застыл от изумленья наш проворный дровосек.
Смотрит – и глазам не верит. Кто же это? Человек?

Джинн, разбойник или призрак – этот скрюченный урод?
До чего он безобразен, поневоле страх берёт!

Нос изогнут наподобье рыболовного крючка,

Руки, ноги – точно сучья, устрашат и смельчака.

Злобно вспыхивают очи, в чёрных впадинах горят.
Даже днём, не то что ночью, испугает этот взгляд.

Он похож на человека, очень тонкий и нагой,
Узкий лоб украшен рогом в палец наш величиной.

У него же в пол-аршина пальцы на руках кривых –
Десять пальцев безобразных, острых, длинных и прямых.

V

И в глаза уроду глядя, что зажглись, как два огня,
Дровосек спросил отважно: «Что ты хочешь от меня?»

«Молодой джигит, не бойся, не влечёт меня разбой.
Но хотя я не разбойник – я не праведник святой.

Почему, тебя завидев, я издал весёлый крик?
Потому что я щекоткой убивать людей привык.

Каждый палец приспособлен, чтобы злее щекотать,
Убиваю человека, заставляя хохотать.

Ну-ка, пальцами своими, братец мой, пошевели,
Поиграй со мной в щекотку и меня развесели!»

«Хорошо, я поиграю, – дровосек ему в ответ. –
Только при одном условии... Ты согласен или нет?»

«Говори же, человечек, будь, пожалуйста, смелей,
Все условия приму я, но давай играть скорей!»

«Если так – меня послушай, как решишь –
мне всё равно.
Видишь толстое, большое и тяжёлое бревно?

Дух лесной! Давай сначала поработаем вдвоём,
На арбу с тобою вместе мы бревно перенесём.

Щель большую ты заметил на другом конце бревна?
Там держи бревно покрепче, сила вся твоя нужна!..»

На указанное место покосился Шурале
И, джигиту не переча, согласился Шурале.

Пальцы длинные, прямые положил он в пасть бревна...
Мудрецы! Простая хитрость дровосека вам видна?

Клин, заранее заткнутый, выбивает топором,
Выбивая, выполняет ловкий замысел тайком.

Шурале не шелохнётся, не пошевелинёт рукой,
Он стоит, не понимая умной выдумки людской.

Вот и вылетел со свистом толстый клин, исчез во мгле.
Прищемились и остались в щели пальцы Шурале.

Шурале обман увидел, Шурале вопит, орёт.
Он зовёт на помощь братьев, он зовёт лесной народ.

С покаянной мольбою он джигиту говорит:
«Сжался, сжался надо мною! Отпусти меня, джигит!

Ни тебя, джигит, ни сына не обижу я вовек.
Весь твой род не буду трогать никогда, о человек!

Никому не дам в обиду! Хочешь, клятву принесу?
Всем скажу: «Я – друг джигита. Пусть гуляет он в лесу!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.